
П.П. Толочко

ДРЕВНИЙ КИЕВ
В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

Исследуя тему «Историческая топография древнего Киева», я отнес к единой поселенческой агломерации не только центральную часть города, обнесенную оборонительными стенами, но и окольные княжеские села, дворы, пригородные монастыри. На защите кандидатской диссертации одним из оппонентов (М.Ю. Брайчевским) мне было сделано замечание, что я слишком осовременил понятие «город», которое в средневековой Руси относилось только к укрепленным поселениям. Другими словами, территория города в те времена не простиралась дальше его стен.

Будучи совершенно убежденным в своей правоте, я не считал необходимым специально обосновывать такое понимание древнекиевской поселенческой структуры ни в диссертации, ни в подготовленной на ее основе монографии¹. Теперь мне кажется, что вопрос этот заслуживал специального рассмотрения. Уже хотя бы потому, что он неоднозначно понимался и в древнерусское время.

В письменных источниках, рассказывающих о столице Руси, чаще всего встречаются названия «Киев» и «град-город». На первый взгляд, эти термины равнозначны и взаимозаменяемы, однако при внимательном прочтении письменных текстов оказывается, что это не так. Первый практически всегда территориально шире второго, при этом содержание обоих меняется как с течением времени, так и в зависимости от места происхождения источника. Представление монаха Печерского монастыря о городе совершенно иное по сравнению с тем, которое имел человек, живущий в этом самом городе, а взгляд на столицу Руси издавна почти всегда отличался от киевского.

Как свидетельствует летопись и подтверждают археологические материалы, точкой роста города Киева являлась Замоквая гора, а

---

¹ Толочко П.П. Исторична топографія стародавнього Києва. Київ, 1970.

также северо-западный отрог горы Старокиевской. Именно здесь обнаружены культурные слои VI–VIII вв., содержавшие керамические комплексы корчакского типа, серебряные зооморфные и антропоморфные фибулы, браслеты с расширяющимися концами, монеты византийских императоров Анастасия I и Юстиниана I. На Старокиевской горе, раскопками разных лет, удалось проследить остатки древнейших укреплений в виде глубокого рва, который как бы прирезал северо-западный ее отрог к горе Замковой. В его заполнении выявлена керамика корчакского облика, аналогичная той, что сохранилась и в культурном слое².

Независимо от того, каков был социальный статус основателя Киева, о чем спорили уже во времена летописца Нестора, историческая традиция однозначно связывает сооружение его «городка» с высоким днепровским берегом, летописной Горой: «И съдыше Кий на горѣ, кдѣ нынѣ увозъ Боричевѣ». На таких же днепровских горах сидели и мифические братья Кия, которые затем «створиша городокъ, во имя брата ихъ старѣшаго, и нарекоша и Киевѣ»³.

Нет сомнения, что об этом «городке» говорится в статье 862 г., рассказывающей о приходе к Киеву Аскольда и Дира. «И узрѣста на горѣ городокъ и въспрошаста, ркуше: “Чий се городъ”»⁴. В 980 г. в нем затворился князь Ярополк от осаждавших новгородских дружин, приведенных к Киеву Владимиром. Преданный киевлянами, Ярополк «бѣжа изъ града»⁵.

Как видим, ранний Киев тождественен крепости на горах Замковой и Старокиевской. А поскольку она была сравнительно небольшой, летописец употребляет иногда уменьшительную форму термина — «городок». По мере разрастания Киева и появления в нем новых укрепленных частей они также именуется «городом». Убедительными примерами сказанному являются свидетельства статей 1124 и 1140, а также 1147 и 1161 гг. Ипатьевской летописи.

В первом из них, рассказывающем о большом пожаре Киева, читаем: «Тогды жь погорѣ Подолье все... въ утрей же день погорѣ Гора и монастыреве вси, что ихъ на Горѣ въ городѣ, и Жидове»⁶. Из буквального прочтения текста следует, что понятием «город» летописец обозначил здесь только Гору, т.е. территорию, обнесенную

² Толочко П.П. Древний Киев. Киев, 1983. С. 18–29.

³ ПСРЛ. М.; Л., 1998. Т. 2. Ипатьевская летопись. Стб. 7.

⁴ Там же. Стб.15.

⁵ Там же. Стб. 65.

⁶ Там же. Стб. 288.

валами во времена правления Владимира и Ярослава. На «Подолье» и «Жидове» оно, как будто, не распространялось. Второе летописное известие, в котором говорится о штурме Киева черниговским князем Всеволодом Ольговичем, не включает в понятие «город» и Копырев конец: «И пришедь (Всеволод. — *П.Т.*) ста у города в Копыревѣ конци, и нача зажигати двory, иже суть предъ городомъ в Копыревѣ конци»⁷.

Могут быть два объяснения того, что летописцы не отнесли к городу два его крупных района. Традицией, закрепившей это понятие только за центральной частью Киева, так называемой «Горой», или же тем, что ни Подол, ни Копырев конец в это время еще не имели собственных укреплений и не отождествлялись с городом. Последнее предположение кажется предпочтительнее, особенно в свете летописных свидетельств 1147 и 1161 гг.

В статье 1147 г., повествующей об убийстве киевлянами Игоря Ольговича, читаем: «Суботѣ же свитаючи посла митрополить игумена Онанью святого Федора, и приѣха игумень види нагого (Игоря. — *П.Т.*) и облече и, и отпѣ над ним обычная пѣсни и везе на конец града в монастырь святому Семеону»⁸. О том, что речь здесь идет о Копыревом конце, свидетельствует летописная статья 1150 г., сообщающая о перенесении мощей Игоря из Киева в Чернигов: «В то же веремея Святославъ Ольговичъ перенесе мощи брата своего от святого Семена ис Копырева конца в Черниговъ»⁹.

В летописи не говорится о том, когда Копырев конец обрел укрепления, но о том, что они там были, свидетельствует летописная статья 1202 г. Лаврентьевской летописи. Когда волынский князь Роман Мстиславич привел свои дружины к Киеву, то «отвориша ему Кыяне ворота Подольская в Копыревѣ конци»¹⁰. Подтвердили наличие укреплений Копыревого конца и археологические наблюдения. В насыпи вала вдоль современной ул. Обсерваторной, который сносили в конце XIX в., археологи обнаружили обломки византийских амфор, шиферные пряслица, фрагменты древнерусской керамики. Более отчетливо следы древних укреплений Копыревого конца зафиксированы раскопками 1974 г.¹¹

⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 302.

⁸ Там же. Стб. 354.

⁹ Там же. Стб. 408.

¹⁰ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Стб. 417.

¹¹ Толочко П.П. Древний Киев. С. 87–88.

О наличии укреплений Подола вполне определенно свидетельствует статья 1161 г. Ипатьевской летописи. Их пришлось брать приступом дружинам черниговского князя Изяслава Давыдовича и союзных ему половцев. «И нача одоляти Изяславъ: уже бо Половци въѣздяху в городъ, просѣкающе столпие». А немногим выше сказано, что у этих укреплений исполчился киевский князь Ростислав Мстиславич, ожидая неприятеля. «А Ростиславъ стояше съ Андрѣвичем подлѣ столпье, загорожено бо бяше тогда столпиемъ от горы оли и до Днѣпра»¹².

Приведенные летописные известия определенно указывают на то, что термин «город» по отношению к отдельным киевским районам употреблялся только тогда, когда они получали собственные укрепления и включались в общую поселенческую структуру, окруженную единой оборонительной системой.

Именно такое содержание в понятие «град» вкладывал летописец, рассказывая об осаде его татаро-монголами в 1240 г.: «И окружи град и остолпи сила татарская» и «Поставы же Батый пороки городу подълѣ вратъ Лядьскѣх». По существу, здесь речь идет о киевских укреплениях. Когда татары взошли на «избитые стѣны», то через ночь «гражанѣ же создаша паки другии град около святое Богородицы»¹³.

Менее ясна принадлежность пригородных княжеских сел и подворий, а также монастырей. В письменных источниках они выступают и как экстерриториальные по отношению к городу образования, и как органические его части. Особенно показательны в этом отношении представления насельников Печерского монастыря. Как явствует из рассказов Киево-Печерского Патерика «О блаженном Евстратии Постнике», «О преподобном Спиридоне Проскурнике и Алимпии Иконнике», «Житии переподобного Феодосия» и некоторых других, они не относили свою обитель к городу Киеву. В монастырь люди приходили «от Киева» или «от града», и не знаем, что этот «град» находился всего в трех верстах, могли бы подумать, что речь идет о каком-то далеком центре: «Въ единъ же от дний приде къ преподобному Феодосию презвитаръ от града, прося вина на службу святая литургия»¹⁴.

¹² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 515.

¹³ Там же. Стб. 785.

¹⁴ *Абрамович Д.И.* Киево-Печерський Патерик. Київ, 1931 (1991). С. 58, 97, 106–107, 130–131.

Вместе с тем, в том же Патерике есть и свидетельства, указывающие на тесную связь Печерского монастыря с городом Киевом. Архиепископ новгородский Нифонт прибыл в Киев для встречи нового митрополита и остановился в Печерском монастыре. «Прииде (Нифонт. — П.Т.) къ граду Киеву... Бывшу же сему блаженному епископу Нифонту въ святѣм Печерском монастыри»¹⁵. Георгий Шимонович послал в Киев боярина Василия, чтобы оковать раку преподобного Феодосия. «Посла убо единого отъ боярь своих, сущих под ним, именем Василиия, отъ града Суждаля въ богоименитый градъ Киевъ, въ Печерский монастырь»¹⁶. В заглавии «Похвалы» Феодосию Печерскому читаем: «Похвала преподобному отцю нашему Феодосию, игумену Печерскому, иже есть въ богоспасаемом градѣ Киевѣ»¹⁷. О том, что Печерский монастырь находился в Киеве, говорит и «Слово о пришествии мастеров от Царьграда». В начале мастера услышали речь Богородицы: «Хошу церковь възградити собѣ в Руси, въ Киевѣ, велю же вамъ, да возмѣте злата себѣ на три лѣта». На вопрос мастеров, к кому они должны явиться в чужой стране, Богородица сказала: «Сею посылаю Антония и Феодосия»¹⁸. Еще одно свидетельство непосредственной связи Печерского монастыря с Киевом содержится в слове «О святом и блаженном Агапите, безмездном враче». Вылеченный печерским врачом, Владимир Мономах едет из Чернигова в Киев, чтобы отблагодарить его за это: «Прииде же Владимиръ в Киевъ и вниде в Печерский монастырь, хотя почтити мниха и видѣти, кто есть даровавый ему зелье и здравие»¹⁹.

Определенная разногласия о принадлежности киевской околицы содержится и в летописных известиях. В одних она не отождествляется с городом, в других является его составной частью.

Сообщая о приходе Боняка с половцами к Киеву в 1096 г., летописец уточняет, что города он не взял, а только повоевал его южную околицу. «Прииде второе Бонякъ безбожный, шолудивый, отай хищникъ къ Киеву внезапно и мало в городъ не вогнаша Половци, и зажгоша по пѣску около города и увратишася на монастырѣ»²⁰. В статье этого же года содержится рассказ о погребении Свято-

¹⁵ Там же. С. 97–98.

¹⁶ Там же. С. 84.

¹⁷ Там же. С. 86.

¹⁸ Там же. С. 6.

¹⁹ Там же. С. 130.

²⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 222.

полком своего тестя Тугоркана. Летописец сообщает, что убитого в сражении на Трубеже у Переяславля половецкого хана «привезше к Киеву» и «погребоша на Берестовомъ на могылѣ, межѣ путемъ идущимъ на Берестовое и другимъ въ монастырь идущимъ»²¹. Здесь речь идет о путях, которые вели от города до Берестового и Печерского монастыря. Следовательно, погребение Тугоркана состоялось около города.

Из сообщения летописи об обороне Киева Изяславом Мстиславичем в 1151 г. от Юрия Долгорукого и его союзников следует, что для его автора не была городом и более близкая киевская околица. Говоря о дислокации дружин, оборонявших Киев, летописец замечает, что «Изяславъ не ходяща в городъ, стаستا товары перед Золотыми вороты у Язины». Его союзники заняли позиции вплоть до Олеговой могилы справа от него и до Лядских ворот слева, что дало возможность летописцу заметить: «И тако стаща около всего города»²². Левый фланг протянулся от Лядских ворот до Клова, далее до Берестового, до Угорских ворот и до Днепра. Упоминание Угорских ворот, несомненно, указывает на наличие здесь каких-то укреплений, однако летописец не счел возможным уточнить, что обороняющиеся стали у города.

Но в летописи есть достаточно и свидетельств, которые позволяют считать околицу составной частью Киева, а следовательно и города, как социально-экономического и политического средоточия. Вот только несколько примеров.

В 1073 г. между старшими Ярославичами произошла очередная распря, и Изяслав вынужден был уступить Киев Святославу. «Святослав же и Всеволодъ внидоста в Киевъ месяца марта 22 и сѣдоста на столѣ на Берестовомъ»²³. Из буквального содержания этой записи следует, что Берестово было такой же киевской княжеской резиденцией, как и Великий Ярославов двор в центре города. Аналогичная ситуация сложилась и в 1113 г., когда, придя в Киев, Владимир Мономах сел в Берестове.

Близким по значению является известие 1146 г., в котором рассказывается о присяге киевлян на верность Игорю Ольговичу, которая была принесена ими в Угорском. «И пояша Игоря в Киевѣ, иде с ними подъ Угорьскый и съзва киянѣ вси, они же вси цѣловаша к

²¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 222.

²² Там же. Стб. 427–428.

²³ Там же. Стб. 172.

нему крестъ»²⁴. Своеобразным разъяснением того, почему киевляне присягали Игорю «под Угорским», является свидетельство летописной статьи 1151 г. о том, что там находился один из великокняжеских дворцов. Отразив очередную попытку Юрия Долгорукого захватить силой Киев, в нем утверждаются соправители Вячеслав Владимирович и Изяслав Мстиславич. При этом первый занял Великий Ярославов двор, а второй сел «подъ Угорскимъ». Но оба, как замечает летописец, «сѣде въ Киѣве»²⁵. Как видим, и в этом случае Угорское с его княжеской резиденцией являлось составной частью Киева.

Убедительным свидетельством того, что окольные монастыри были киевскими, являются известия о присутствии их игуменов на различных церковных праздниках, поставлениях митрополитов и епископов. Они всегда названы в ряду других киевских игуменов, причем печерский, выдубицкий и спасский всегда первыми. В тех же случаях, когда на празднествах присутствовали игумены из иных городов, летописец всегда уточнял их происхождение. Примером этому может быть сообщение о посвящении в 1231 г. в Софии Киевской митрополитом Кириллом епископа Кирилла Ростову и Ярославлю. Назвав митрополита и епископов, летописец затем заметил, что участниками этого действия были «и игумены мнози»: Анкюндин Печерский, Михайло Выдубицкий, Петр Спасский, Семен Андреевский, Корнил Федоровский, Афанасий Васильевский, Семен Воскресенский, Климент Кириловский. За ними назван игумен Иоанн, который был «от Чернигова»²⁶.

Порядок, в котором перечислены игумены киевских монастырей, видимо, сложился задолго до этого события. В точности такой он в летописных сообщениях о перенесении мощей св. Бориса и Глеба 1072 и 1115 гг. Наряду с митрополитом и епископами, на этих торжествах присутствовали и игумены. В 1072 г.: «Феодосий же игумень Печерский, Сафроний же святаго Михаила игумен, Германъ святаго Спаса игумен и Никола игумень Переяславский, и прочии игумени вси». В 1115 г.: Прохор Печерский, Сильвестр Выдубицкий, Савва Спасский, Григорий Андреевский, Петр Кловский²⁷. В обоих случаях летописец назвал не всех киевских игуменов, обозначив присутствие неназванных словами «и прочии игумень». Еще менее

---

²⁴ Там же. Стб. 320.

²⁵ Там же. Стб. 445.

²⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 456–457.

²⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 171, 280.

полным является список киевских игуменов, присутствовавших на освящении церкви св. Апостолов в Белгороде в 1198 г., но в нем также на первых местах названы архимандрит Василий Печерский и игумен Моисей Выдубицкий. Другие игумены обозначены словом «прочии»²⁸. Игумены всех киевских монастырей присутствовали и на перенесении мощей св. Феодосия в 1091 г. из пещеры в церковь Успения Богородицы, но сказано об этом общей формулой: «Игумени вси, от всех монастыревъ»²⁹.

В пользу широкого территориального представления современников о Киеве как центре, включавшем в себя не только собственно «град», но и его ближайшую околицу, свидетельствуют летописные рассказы о двух взятиях Киева: 1169 г. дружинами Андрея Боголюбского и 1203 г. дружинами Рюрика Ростиславича. В обоих речь идет об овладении и разорении победителями не только центральных частей Киева — Горы и Подолья, но и его околицы. 1169 г.: «Взять же бысть Киевъ... И грабиша за два дни весь град Подолье и Гору, и монастыри». Среди последних оказался и Печерский, который был зажжен нападавшими³⁰. 1203 г.: «Взять бысть Киевъ... не токмо едино Подолье взяша и пожгоша, но и Гору взяша и митрополью святую Софьи разграбиша... и монастыри всѣ»³¹.

Итак, на основании летописных свидетельств можно прийти к выводу, что термин «град» в них означает центральную укрепленную часть, а название «Киев» практически всегда равнозначно понятию «город» в его полном социально-экономическом и территориальном значении. В Киево-Печерском Патерике частым является словосочетание «град Киев», обозначающее не только киевскую крепость, но и всю поселенческую агломерацию около нее. К приведенным выше свидетельствам в пользу такого представления можно прибавить еще одно. В «Похвале Феодосию» сказано, что он пришел «въ град Киевъ», желая найти в нем «вожда и правителя, дабы сказалъ ему незаблудно путь божественный, и много искавъ, и обрѣте... мужа бо чудна... нарицаемого Антониа»³². Как известно, обрести Антония Феодосий мог только в Печерском монастыре.

Несколько слов о том, осознавалась ли на Руси разница между «градом»-крепостью и «градом»-городом как особым социально-

---

²⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 707.

²⁹ Там же. Стб. 202–203.

³⁰ Там же. Стб. 545.

³¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 418.

³² *Абрамович Д.И.* Киево-Печерський Патерик. С. 88.

экономическим типом поселения. Насколько известно, в исследованиях так вопрос вообще не формулировался. Видимо, потому, что определение социальной сущности древнерусских «градов» всегда считалось трудной задачей исторических реконструкций. Между тем, у нас есть достаточно аргументов, в том числе и приведенных выше, для утверждения, что древние русичи различали просто укрепленное поселение и поселение городское.

Определенно об этом говорится в слове Киево-Печерского Патерика «О поковании раки Феодосия Печерского». В нем содержится интереснейший рассказ о том, как молитва святых Антония и Феодосия защитила киевского князя Изяслава Мстиславича от половецкого погрома. Битва состоялась под стенами некоего града и окончилась полной победой русичей. Никто не знал, что это за град, и только потом выяснилось, что это был вовсе и не город, а село Печерского монастыря. «Егда бо приидохом на Изяслава Мстиславича Половци, и видѣхом град высокъ издалеча, и абие идохом на нь, и никто не знааше кий то есть град. Половци же бишася у него, и мнози язвени быша, и бѣжахом от града того. Послѣди же увѣдахомъ, яко село есть святыа Богородица обители Печерьскыя»³³. Завершая рассказ, его автор заметил, что здесь «града же николи же ту нѣсть бывало»³⁴. Можно предположить, что в данном случае он говорит о городе, поскольку град-таки здесь был и об этом сказано в начале рассказа³⁵.

Подводя итог сказанному, можно с уверенностью утверждать, что, несмотря на определенную терминологическую разногласицу, древний Киев воспринимался его современниками не только как град-крепость на Горе, но и как город в полной его поселенческой структуре, с окольными княжескими селами, дворами и монастырями. Выражаясь фигурально, в Киеве все было киевским, даже дебри, горы и перевозы через Днепр³⁶.

---

³³ Там же. С. 86.

³⁴ Там же.

³⁵ При обсуждении доклада на XVIII Чтениях, посвященных В.Т. Пашуто, А.В. Назаренко предложил иное прочтение данного рассказа. Согласно ему, в нем речь идет, скорее всего, не о реальности, а о видении. Половцам показалось, что перед ними град, тогда как в действительности это было село. Учитывая жанровый характер Патерика, такое толкование рассказа не кажется искусственным. И, тем не менее, больше оснований видеть в нем отражение реальности. Во-первых, потому, что увиденный половцами град не превратился в образ чудесной твердыни, о которую разбилась их сила. А во-вторых, потому, что многие древнерусские сельские поселения имели свои социальные центры в виде укрепленных дворов-замков.

³⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 16, 44, 327.